

ИНДОИРАНСКИЕ КАВИ И МИФОЛОГИЯ КУЗНЕЦА *

Изучаются архаические черты мифологии индоиранских *кави*. Данные индоевропейских исследований позволяют определить основной вид их деятельности как религиозный. Однако на лингвистическом индоевропейском уровне выявлена связь индоиранских *кави* с кузнечной деятельностью. Подобная ситуация характерна для многих архаических обществ, в которых кузнецы составляли особую сакральную группу, а их деятельность мифологизировалась. Древние кузнецы выполняли большой спектр тесно связанных между собой обязанностей, как религиозного, так и ремесленного характера. На основании анализа мифологии кузнеца выделены базовые характеристики этого образа: креативность, амбивалентность, хтоничность, магическая сила, связь с богами и демонами. В результате исследования древнеиндийских и древнеиранских источников установлено, что к основным видам деятельности *кави* следует отнести функции, которые сближают их с мифологическими кузнецами: медиативная, магическая (власть над огнем), лечебная, ремесленная. Это позволяет видеть в *кави* древнего индоевропейского полифункционального деятеля, в котором органически сливались черты кузнеца, поэта, жреца, шамана.

Ключевые слова: мифология, кузнец, хтонизм, индоиранский, сакральный, *кави*, дэв, шаман.

В древнейших индийских и иранских источниках часто встречается титул *кави*, значение которого не всегда можно четко определить. Большинство исследователей полагает, что он обозначает религиозного деятеля, сакральное лицо, обладающее большой магической силой [Dumézil, 1986. Р. 27; Запороженко, 2007. С. 127–155]. На выполнение *кави* сакральных функций указывают данные лингвистики, ср.: др. иран. *kava* – «мудрый»; шугн. *kivd* – «вызывать»; осет. *кувун* – «молиться»; *кувд* – «пиршество-моление с возлиянием опьяняющего напитка» [Герценберг, 1972. С. 199]. Сведения о религиозной деятельности подобных лиц сохранила лексика и других индоевропейских народов. К этому пласту относятся такие армянские сакральные термины, как *k'awel* – «отпускать грехи, прощать» (диалект. «исцелять»), *k'awic* – «избавитель, спаситель» [Сараджева, 1985. С. 77–78]. Еще больше свидетельств религиозного характера *кави* дает малоазийский ареал, языки которого, сохранившиеся чаще всего только в источниках, содержат много архаизмов греко-армяно-арийской лингвистической общности. Это, прежде всего, хетто-лувийское *Magava* – «жрец богини-матери Ма»; лидийское *kaves* – «жрец»; лувийский иероглиф *Kawai* – «алтарь». Сюда же относится др. греч. Λαοκόων – «жрец-прорицатель народа», имя которого является калькой с местного туземного термина [Гиндин, 1981. С. 51–52]. Сюда же можно отнести этеокипрское *ka-wa-li-ja* в сочетании типа *ka-wa-li-ja* бога, хеттское *kawija* (*cawala*), мизийское *Kaviaos* [Сергеев, Цымбурский, 1987. С. 288], а также старофригийское *kavar* – «священное место» (*kavarmoyu* – «алтарь») [Баюн, Орел, 1989. С. 32]. Греческий язык также дает целый ряд слов идентичной формы и одного семантического ряда, что вообще характерно для языкового мышления на мифологическом уровне: греч. *Хоew* – «замечать, слышать»; др. греч. Κοης – «жрец мистерий в честь Кабиров» (*xoins kovias*). Сюда же относятся и сами Кабiry-Кабилы – боги фракийского или пеласгического происхождения, которые, согласно неко-

* Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития НГПУ 2012–2016 гг.

торым античным данным, были детьми бога огня и кузнечного дела Гефеста [Гиндин, 1981. С. 52–53, 55]. Сакральная терминология, связанная с *кави*, сохранилась и в славянских языках: др. слав. *cudo* – «чудо», здесь же «кудесник»; словацкое *kuzlo* – «чародейское искусство, чары»; верхнелужицкое *kuzlo, kuzlar* – «колдун» [Иванов, Топоров, 1973. С. 156].

Данные филологии подтверждают гипотезу о том, что индоиранский термин *кави* применялся, прежде всего, к сакральным специалистам: певцам, сказителям, жрецам, шаманам, провидцам, и должен был пониматься как обозначение практики, в истоках своих ритуальной [Буанер, 2007. Р. 357–370]. В индоевропейских языках выделяются группы слов со сходным звуковым составом *kou / kau*, используемые внутри одного текста и принадлежащие сакральной лексике. Для воссоздания текста, в рамках которого они использовались, и для реконструкции ритуальной практики, которая ему соответствовала, важное значение имеют факты употребления слов на *kou / kau* в связи с кузнецами, отмечаемые у ряда индоевропейских народов (славянские языки имеют целую группу слов, объединяющих ритуальную деятельность с кузнечной: рус. «ковать», «коваль», «кузло»; чеш. *Kouzlo* – «колдовская сила» и т. д.). Нередко одни и те же слова употреблялись по отношению и к той, и к другой сферам деятельности [Иванов, Топоров, 1973. С. 155–156].

Ассоциация выковывания (ковки) какого-либо предмета (в частности магического) с магией не случайна, так как «на некотором этапе, более близком к начальному... позднейшие ремесла входили в иную систему, связывающуюся, прежде всего, с сакральными представлениями, и были соотнесены с общей космологической схемой» [Иванов, Топоров, 1974. С. 87]. Ремесло кузнеца многими народами считалось священным, а к кузнецу относились как к человеку, обладающему сверхъестественными способностями, связанному с богами¹. «Для первобытных людей процесс изготовления железа должен был казаться таинственным, поэтому и плавка, и ковка естественно приобретали оккультный характер. Этот подход укрепляется тем фактом, что искусство металлургии часто практиковалось чужаками, которые хранили секреты своего ремесла только для своих» [Webster, 1948. Р. 165]. Страх перед таинственными способностями кузнеца объясняет его известную изолированность, подозрительное к нему отношение (русское «коварство»), приписывание общения с демонами. Положение кузнеца в обществе сходно с шаманами и колдунами [Элиаде, 1987. С. 283–289]. В Сибири кузнец «выковывал» будущего шамана, проводил с шаманами совместные обряды. Иногда функции шамана и кузнеца настолько пересекаются, что, как у бурятов и якутов, существовали особые роды шаманов-кузнецов [Штернберг, 1936. С. 121; Санжеев, 1980. С. 101–111]. Кузнецы обладают особыми обрядами, инициациями, их деятельность носит наследственный характер, они часто формируют особую социальную группу [Шрадер, 1886. С. 245; Аджиндал, 1969. С. 233–253; Иорданский, 1985. С. 41–51].

Можно вычленить следующие мифологические особенности кузнеца.

- Роль «хозяина огня», персонажа, вступающего с огненной стихией в особые отношения. Это проявляется в безвредности огня для кузнеца, в отличие от других, неиницированных лиц. Для того чтобы доказать свою власть над огнем, кузнец (как и шаман) проходит огненные испытания: берет в руки расплавленный металл, лижет его языком, ходит по нему, ложится на угли или ест их, при этом употребляя опьяняющие напитки и входя в экстаз [Анучин, 1914. С. 30; Серошевский, 1993. С. 629; Коновалов, 1984. С. 128–130]. Согласно В. Блажеку многие имена богов-кузнецов образованы от слова «огонь»: Гефест, Вулкан и т. д. [Blažek, 2008. Р. 76].

- Функция демиурга – творца космоса и всех ремесел, драконоборца, героя основного мифа (см. [Иванов, Топоров, 1973; Рыбаков, 1981; Blažek, 2009]).

- Связь с богами: кузнецы – посредники между богами и людьми, свою власть получают от бога-кузнеца или бога-огня, служителями которых они являются [Аджиндал, 1969. С. 234–235; Ардзинба, 1988. С. 276–283; Иорданский, 1985. С. 46; Элиаде, 1987. С. 176–180]. Их особый статус как сакральной фигуры специально подчеркивается. У кельтов кузнецы были окружены таким почетом, что им разрешалось сидеть в присутствии короля [Черных, 1972.

¹ См.: Баркова А. Л. Образ хромого кузнеца в мифологии. URL: <http://mith.ru/alb/mith/smith.htm> (дата обращения 03.12.2012).

С. 193]. Объектами культового поклонения становятся и кузницы как места проведения особых обрядов и общения кузнецов с богами [Зарубин, 1926. С. 1166–1167].

- Обладание особой волшебной силой: они могут летать (герм. *Велунд*, греч. *Дедал*), становиться невидимыми. Они – специалисты по сверхъестественным методикам получения специфических, волшебных качеств [Андреев, 1990. С. 74–91]. Свои творения они создают через божественное «виденье» и вдохновение свыше [Шрадер, 1886. С. 242; Gonda, 1963. P. 226–227].

- Кузнечество воспринимается как величайшая степень человеческого искусства. Кузницы считаются мастерами в музыке и танцах, поэтами и певцами. В Европе кузницы-поэты существовали еще в Средние века, причем их поэзия носила сакральный характер. Греческие волшебные кузницы Дактили приносят из Фригии первые песни и стихи [Шрадер, 1886. С. 243]. Выковывание языка составляет одно из первых деяний бога творца в основном мифе [Иванов, Топоров, 1974. С. 88–89].

- Лечебная деятельность: кузнец проводит в кузне обряды целения, причем лечение имитирует процессковки. Такой вид лечения известен многим народам Средней Азии, Кавказа, Сибири, Казахстана [Ардзинба, 1988. С. 273–276; Корнилов, 1908. С. 129–130; Элиаде, 1987. С. 176]. Святые Борис и Глеб в народной мифологии выступают и как кузницы, и как целители [Миллер, 1876. С. 284]. Ирландский кузнечный бог Гойбниун имел также статус лекаря [Калыгин, 2006. С. 92]. В осетинском эпосе, сохранившем архаические индоевропейские элементы, небесный кузнец Курдалагон выковывает тела героев и залечивает им раны [Нарты, 1957. С. 117, 257]. В мифологии деятельность по выковыванию предметов является эквивалентом творения заново (выковывание шамана, выковывание Сосрыквы, выковывание, точнее особая закалка в огне Батрадза – огненная инициация).

- Двойственность, обманчивость, амбивалентность кузнеца, порождающая настороженное к нему отношение в мифах и в жизни. Германский кузнец Велунд в христианской традиции сливается с образом черта (греч. *Гефест*; рим. *Вулкан*) [Шрадер, 1886. С. 244]. Данные славянской лингвистики связывают кузнеца с колдовством: «ковать козны», «ковы ковать». В старославянском языке слово *коварный* имело значение «мудрый, благоразумный» [Иванов, Топоров, 1973. С. 156–157].

- Хтонизм, чаще всего проявляющийся в виде соперничества или вражды со змеем. Проявлением этого может служить реконструированный А. А. Потебней славянский миф о боге-кузнеце, выковывающем плуг и укрощающем змея (ср. также абхазского Шьашву, хеттского Хасамила, греческого Гефеста) [Потебня, 1865. С. 8–15], а также многочисленные славянские «змееборческие легенды» [Рыбаков, 1981. С. 28]. В ряде балтийских и славянских языков для обозначения кузнеца используется термин, производный от имени хтонического противника космоса змея Вритры, кстати сына бога ремесленника (и кузнеца!), Тваштара [Blažek, 2009. P. 29].

Эти черты мифологии кузнеца характерны для многих индоевропейских народов [Трубачев, 1966. С. 221]. Совершенно справедливо заметил В. Блажек, что у индоевропейцев кузнец является единственным специалистом, который удостоивается положения бога [Blažek, 2010. P. 1]. Свидетельства сравнительной мифологии, данные лингвистики и письменных источников позволяют предположить существование у древних индоевропейцев полифункционального сакрального деятеля, специалиста, как в религиозной, так и в ремесленной сфере (прежде всего кузнечества), первоначально представлявшей особо важный вид специализированной магической деятельности. Во многих случаях выявляется обозначение этого персонажа или его действий словами, производными от корня **kov* [Иванов, Топоров, 1973. С. 157].

К этой группе слов относится и индоиранский термин *кави*, определяющий сакрального специалиста, в деятельности которого можно выявить черты, сближающие его с кузнецом.

Это, прежде всего, тесная связь с огнем, металлической стихией – «кшатра варья». Кави выдерживают огненные инициации, обладают солнечно-огненной хварно, хранителем которой, в свою очередь, является бог Митра – покровитель огненных ордалий, заменивший в Иране индоиранского бога огня Агни. Неудивительно, что древние греки отождествляли Митру с богом кузнецом Гефестом [Воусе, 1975. P. 70–73]. Обряды, включающие испытание огнем, составляют важный раздел религиозной практики ираноязычных народов (особенно

их роль велика в шаманских практиках) [Коновалов, 1984. С. 128–130; Снесарев, 1973б. С. 42].

Кави в Индии и Иране постоянно ассоциируются с металлами – дворцы Кай Уса сделаны из драгоценных металлов [Dumézil, 1986. Р. 79]. В ряде случаев им прямо приписывается кузнечная деятельность: Ушанас Кавья выковывает громовую палицу Ваджру для бога Индры (РВ I.12.12; V.34.2); «святой царь» Гуштасп – позднейший аналог авестийского Кави Виштаспы – после своего свержения работал кузнецом, так как этот род деятельности не противоречил его высокому сану [Кабус-намэ, 1959. С. 108–109]. Кузнечество пользовалось особым почетом в древнем Иране. Его изобретение приписывалось самым популярным и древним героям: Хушенгу (ШН 1.638), Йиме (ШН 1.830–834). В хорезмских легендах основателем кузнечества является первочеловек – Гаомард-Джоумард Кассаба [Снесарев, 1969. С. 296–297]. И до сегодняшнего дня у народов Средней Азии металлургия связывается с волшебством, магией, носит божественный, священный характер.

Показателен образ героя иранского эпоса кузнеца Кавэ, в котором еще Р. Рот предлагал видеть одного из представителей древнеиранских кави – Усана (Кавуса) [Roth, 1848. S. 227]. Несмотря на возражения ряда ученых [Стариков, 1957. С. 614], применение тезиса В. В. Иванова и В. Н. Топорова о том, что типология мифологических текстов позволяет считать существенными не только семантические, грамматические, но и звуковые связи [1973. С. 154], позволяет вернуться к гипотезе Р. Рота. С этим согласен и В. Блажек, семантически сближающий имя кузнеца Кавэ с термином «кави» [Blažek, 2010. Р. 79–80]. Таким образом, Кавэ можно рассматривать в качестве персонификации положительного аспекта древнеиранских кави, драконоборец Кавэ близок авестийскому Кави Усану или ведийскому Ушанасу. Однако уже в хивинских легендах Усто-Хурдек – эквивалент кузнеца Каве – в отличие от своего эпического прообраза получает оттенок двойственности. Он хотя и приобретает славу первооткрывателя промыслов и ремесел, в том числе и кузнечества, но выступает в качестве антагониста первочеловека Гоумарда (Кеюмарса) [Снесарев, 1983. С. 103].

Кави считаются волшебниками, специалистами по вдохновенной речи, носителями мистической техники «виденья», специалистами в поэзии и искусстве [Gonda, 1963. Р. 226–227]. (Существует общеиндоевропейская закономерность обозначения произведений искусства как части или вида ремесла: старослав. *Къзьнь* – «искусство» [Иванов, Топоров, 1973. С. 155].) У индоевропейских народов есть традиция уподоблять поэзию обработке металлов: укр. *кувати речі*; герм. ‘ковать стихи’.

В источниках отмечается особая волшебная сила («маяя» – «наука возвращения к жизни») кави и подчеркивается настороженное к ним отношение. Кави проходят особую инициацию в нижнем мире Варуны, где им открываются все тайны мира («знание всех вещей»). Кави связаны с демонами асурами, предводителями и духовными наставниками которых они являются, в то же время они являются медиаторами, посещающими миры богов. Кави Ушанас обитает вместе с асурами в нижнем мире (РВ VIII.7.26). Он – пурохита асуров [Kuiper, 1979. Р. 94]. Силой и властью Ушанас превосходит всех в мире, и даже боги боятся и ищут его благосклонности [Dumézil, 1986. Р. 30–35]. Свойственный асурам демонический характер кузнечной работы достаточно ясно виден в мифах Индии и хорошо согласуется с асурической позицией, занимаемой Ушанасом Кавья [Элиаде, 1987. С. 179].

Важной функцией индоиранских кави является их непосредственное участие в борьбе с мифическим драконом Ажи Дахакой / Вритрой. Только благодаря магический помощи Ушанаса побеждает Вритру бог Индра (РВ V.34.2), о победе над Ажи Дахакой молит богов Кави Усан. Шахнамэ приписывает победу над Зоухаком / Ажи Дахакой мужеству кузнеца Кавэ, поднявшего народ на борьбу с тираном (ШН 1.1630–1770).

В индоевропейской традиции кузнец рассматривается в качестве специалиста по строительству, ремесленника *par excellence*, мастера в широком смысле слова [Vurca, 1967. Р. 145; Трубочев, 1966. С. 311]. Индоиранские кави также постоянно связываются со строительством: Ушанас Кавья обитает в волшебных летающих дворцах асуров, которые построены с его помощью; волшебные дворцы строят дэвы Кай Кавусу, а в хорезмских легендах лучшим строителем считается Дэв Каос [Снесарев, 1973а. С. 52]. Кави Сайаваршан строит крепость Кангха, в которой царит тишина и вечная весна. Крепость эта обладает семью стенами и держится на плечах покоренных демонов [Короглы, 1983. С. 118–119].

Таким образом, индоиранские кави вполне соответствуют древнему индоевропейскому сакральному полифункциональному деятелю, в котором органически сливались черты кузнеца, поэта, шамана.

Список литературы

- Кабус-намэ / Пер. Е. Э. Бертельса. М.: Наука, 1959. 276 с.
- Нарты / Пер. Р. А. Ивнева. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 416 с.
- РВ – Ригведа: Мандалы I–IV / Пер. и коммент. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989. 767 с.
- РВ – Ригведа: Мандалы V–VIII / Пер. и коммент. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1995. 747 с.
- ШН – *Фирдоуси*. Шахнаме / Пер. Ц. Б. Бану. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 1. 675 с.
- Аджиндал И. А.* Кузнечное ремесло и культ кузни и железа у абхазов // Из этнографии Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969. С. 205–274.
- Андреев Ю. В.* Поэзия мифа и проза истории. Л.: Лениздат, 1990. 223 с.
- Анучин В. И.* Очерк шаманства у енисейских остяков // СМАЭ. СПб., 1914. Т. 2, вып. 2. 89 с.
- Ардзинба В. Г.* К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток. Этнокультурные связи. М.: Наука, 1988. С. 263–306.
- Баюн Л. С., Орел В. Э.* Фригийско-анатолийские языковые отношения // Палеобалканистика и античность. М.: Наука, 1989. С. 24–33.
- Герценберг Л. Г.* Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л.: Наука, 1972. 274 с.
- Гиндин Л. А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София: Изд-во Болгар. АН, 1981. 239 с.
- Запорожченко А. В.* Шаманские реминисценции в духовной культуре индоиранцев. Новосибирск, 2007. 195 с.
- Зарубин И. И.* Сказание о первом кузнеце в Шугнани // Изв. АН СССР. Сер. VI. Л., 1926. № 9. С. 1165–1170.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.* Этимологическое исследование семантически ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов // Славянское языкознание. М.: Наука, 1973. С. 153–170.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.* Проблема функций кузнецов в свете семиотической типологии культур // Материалы Всесоюз. симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. Вып. 1 (5). С. 87–90.
- Иорданский В. Б.* Африканский кузнец в мифах и действительности // НАА. М., 1985. № 6. С. 41–51.
- Калыгин В. П.* Этимологический словарь кельтских теонимов. М.: Наука, 2006. 183 с.
- Коновалов А. В.* Пережитки шаманства у казахов Южного Алтая // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 128–130.
- Корнилов А. В.* Обряд посвящения кузнеца // ИВСОРГО. 1908. Т. 39. С. 292–294.
- Короглы Х. Г.* Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М.: Наука, 1983. 336 с.
- Миллер В. Ф.* Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1876. Т. 1: Асвины – Диоскуры. 372 с.
- Потебня А. А.* О мифическом значении некоторых обрядов и поверий // ЧОИДР. 1865. Кн. 2. С. 8–15.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.
- Санжеев Г. Д.* Тайлган бурятских кузнецов // Быт бурят в настоящем и прошлом. Улан-Удэ: Бурят. филиал СО АН СССР, 1980. С. 100–120.
- Сараджева Л. А.* Древнейшие религиозные представления праармян и праславян // Историко-филологический журнал. 1985. № 2. С. 73–84.
- Сергеев В. М., Цымбурский В. Л.* Заметки по этеокипрским надписям (2) // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 268–298.
- Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.
- Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 336 с.

- Снесарев Г. П. Три Хорезмские легенды в свете демонических представлений // СЭ. 1973а. № 1. С. 48–59.
- Снесарев Г. П. Под небом Хорезма. М.: Мысль, 1973б. 159 с.
- Снесарев Г. П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.: Наука, 1983. 212 с.
- Старииков А. А. Комментарии // Шахнаме. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 1. С. 599–644.
- Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М.: Наука, 1966. 414 с.
- Черных Е. Н. Металл – человек – время. М.: Наука, 1972. 208 с.
- Шрадер О. Сравнительное языкознание и первобытная история. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1886. 485 с.
- Штернберг Л. Я. Культ орла у сибирских народов // Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1936. С. 112–126.
- Элиаде М. Шаманы и кузнецы // Космос и история. М.: Прогресс, 1987. С. 176–180.
- Blažek V. Celtic «Smith» and his Colleagues // Evidence and Counterevidence. Amsterdam; N. Y.: Rodopy B. V., 2008. P. 67–86.
- Blažek V. Balto-Slavic «Smith»? // Baltistica. 2009. Т. 44 (1). P. 25–31.
- Blažek V. Indo-European Smith and his Divine Colleagues. Washington, DC, 2010. 120 p.
- Boyce M. Myhra. Lord of Fire // Acta Iranica. 1975. Vol. 4. P. 69–76.
- Buyaner D. The Myth of the Bridge of Separator: A Trace of Shamanistic Practices in Zoroastrianism? // JIES. 2007. Vol. 35. No. 3–4. P. 357–370.
- Burca S. Cobban Saer, the Crafty Artificer // Beitrage zur Indogermanistik und Keltologie. Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, 1967. Bd. 13. S. 138–152.
- Dumézil G. The Plight of Sorcerer. Berkley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1986. 121 p.
- Gonda J. Vision of Vedic Poets. Hague: Mouton, 1963. 372 p.
- Kuiper F. Varuna & Vidusaka. Amsterdam: North-Holland Pub. Co., 1979. 252 p.
- Roth R. Die Sage von Feridun in Indien und Iran // Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft. 1848. Bd. 2. S. 216–231.
- Webster H. Magic. Stanford: University press, 1948. 525 p.

Список сокращений

- JIES – Journal of Indo-European Studies, Washington
 ИВСОРОГО – Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, Иркутск
 НАА – Народы Азии и Африки, Москва
 РВ – Ригведа
 СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии, Санкт-Петербург
 СЭ – Советская этнография, Москва
 ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, Москва
 ШН – Шахнаме

Материал поступил в редколлегию 20.12.2012

Andrej V. Zaporozhchenko

INDO-IRANIAN KAVI AND BLACKSMITH'S METHODOLOGY

This article studies archaic features within the mythology of Indo-Iranian *kavi*. Many indo-european studies describe their main activities to be religious. However, connection between Indo-Iranian *kavi* and blacksmith activity has been revealed at the linguistic indo-european level. Similar situation is typical for many archaic societies, in which blacksmiths were perceived as a sacral group and their actions were mythologized. Ancient blacksmiths fulfilled a broad spectrum of closely-related tasks in both religious sphere and craft. Based on blacksmith mythology analysis core features of their image were distinguished: creative, ambivalence, chthonic, magic, relation to gods and demons. Study of ancient Indian and ancient Iranian sources suggests that main *kavi*'s activities are those that draw them together to mythological blacksmiths: mediative, magical (mastery of fire), healing, crafting. Altogether it allows us to view *kavi* as an Indo-Iranian polyfunctional figure, which organically combines features of blacksmith, poet, priest and shaman.

Keywords: mythology, blacksmith, chthonic, Indo-Iranian, sacral, *kavi*, dev, shaman.